

ХИЩНИКИ

Вот сходишь в цирк на Цветном, а потом уtkнешься лбом в кулак и страдаешь: да-а, мда-а, гм-м... Наверное, я старею.

Нет, и волосы еще однокрасивые, и ем почти все, что есть, и коммунизм иногда приснится под утро, но все-таки — не сажает больше на своих лошадок цирковая карусель, не завлекает в игру бархатная рулетка манежа...

Старость — это когда цирк оставляет тебя на берегу.

Это когда в старом восточном цирке ты сидишь с видом наследного принца на городской свалке, а программа катится мимо сама по себе клубком из рук придревавшей старушки, лишенной

И вдруг выходит клоун Грачик и — ба-бах! Та-дах!

И тогда можно достать зубы с полки и снять коньки с гвоздика — еще не все потеряно!

Еще не все для нас, товарищи, потеряно. Клоуны встречаются в жизни только раз. Не потому, что мало живут они. Просто дети мало живут, быстро вырастают. И только хорошие клоуны рвут времена, как старую афишу, и для всех еще не все поте-

майшего умысла и соразмерности. Многозначная, как могильный курган, и затейливо оформленная, как летняя танцверанда поселка Селятино. Когда вид будто вчера выкраденного из детдома кордебалета, с трудом волочащего ноги, вызывает немедленное желание метнуться за кулисы и выкрикнуть неистовыем голосом: «Да кто ж вас мучит, не кормят и раздел?!

Когда хозяин иллюзионного аттракциона работает на ма-

неже с манерами завсекции «Гастронома» на съемках передачи «Человек и закон», и гораздо интересней смотреть на его красивую жену, чем на то, как шпротами ложатся в подполье и за двойные стены резиновые девицы, явно уставшие жить в большом искусстве.

На эту муху отваживаются только клоуны и святые. И Грачик — заложник света у тьмы кромешной. Он — та звездочка, которая прорывается сквозь черные кроны глухой поры, когда у нас растут клыки и когти, а она светит: братцы, а еще ведь не все потеряно. А если и потеряно, то я все это нашел!

ШУТ

Заметки старой калоши

рино: и для вас, и для вас... И Грачик велик потому, в виду энную цифру, помно- и даже для вас, хоть вы ни- что, падая четырнадцать раз женную на эти четырнадцать, чего не рубите по-русски и в неделю на одном и том же плюс командировочные и ав- меете, он делает это, не имея торские, а потому, что он

поскользнулся и упал, и очень Он не седает сальности и обидно, что вы все смеетесь, пошлости, он не доит грязь а вон вы вообще ржете, может, хватит?

Он добровольно ребенок. На эту муху отваживаются только клоуны и святые. И Грачик — заложник света у тьмы кромешной. Он — та звездочка, которая прорывается сквозь черные кроны глухой поры, когда у нас растут клыки и когти, а она светит: братцы, а еще ведь не все потеряно. А если и потеряно, то я все это нашел!

день, но в другой упаковке. том, а потом выбегает клоун Грачик с балалайкой и стоит: «Калинкау-малинкау!». Он сейчас нам сыграет. И наверное, еще не все потеряно. Возможно, мы еще сможем пожить.

Тяжело качается занавес, униформисты укладывают вчерашний номер и готовят завтрашний, а сегодня выходит в черном фраке великолепный Пал Палыч, совершенно не зная, что будет по-

Сергей ШАХИДЖАНЯН (фото),
Александр ТЕРЕХОВ (калоша).